

Россия и Запад: что разделяет?

Доклад

Россия и Запад: прогнозы развития отношений

А.Г. Дугин, доктор политических наук

Термин «Запад» может толковаться по-разному. Прежде чем рассматривать варианты развития отношения России с Западом, необходимо уточнить, что мы понимаем под «Западом» и как это понятие эволюционирует в истории.

Совершенно очевидно, что «Запад» не является чисто географическим понятием. Сферичность планеты Земля делает такое определение просто некорректным: то, что для одной точки — Запад, для другой — Восток. Но этот смысл никто в понятие «Запад» и не вкладывает. Хотя, при ближайшем рассмотрении, мы обнаружим здесь одно важное обстоятельство: концепция «Запад» по умолчанию берет за нулевую отметку, откуда откладываются координаты долготы, именно Европу. И неслучайно, согласно международным конвенциям, нулевой меридиан проходит по Гринвичу. Уже в самой этой процедуре заложен европоцентризм.

Хотя многие древние державы (Вавилон, Китай, Израиль, Россия, Япония, Иран, Египет и т. д.) считали себя «центром мира», «срединными империями», «поднебесными», «подсолнечными царствами», в международной практике цент-

ром координат стала Европа, более узко — Западная Европа. Именно от нее принято откладывать вектор в сторону Востока и вектор в сторону Запада. Получается, что *даже в узко географическом смысле мы видим мир с европоцентрической точки зрения*, и то, что принято называть «Западом» одновременно представляет собой центр, «середину».

Европа и модерн

В историческом смысле Европа стала тем пространством, где *впервые произошел переход от традиционного общества к обществу модерна*. Причем этот переход совершился на основании развития *автохтонных* для европейской культуры и европейской цивилизации тенденций. Развивая в определенном направлении принципы, заложенные в греческой философии, римском праве через специфическое толкование христианского учения — вначале в католико-схоластическом, а затем — в протестантском ключе, — Европа пришла к созданию уникальной среди остальных цивилизаций и культур *модели общества*. Это общество впервые:

- было выстроено на *секулярных* (светских, атеистических основах);
- провозгласило идею *социального и технического прогресса*;
- создало основы *современного научного видения мира*;
- выработало и внедрило модель *политической демократии*;
- поставило во главу угла *капиталистические* (рыночные) отношения;
- перешло от *аграрной экономики к промышленной*.

Одним словом, именно *Европа стала пространством современного мира*.

Так как в границах самой Европы наиболее авангардной зоной развития парадигмы модерна были такие страны, как

Англия, Голландия и Франция, находящиеся к Западу от Центральной (и, тем более, Восточной) Европы, то понятия «Европа» и «Запад» постепенно стали синонимами: собственно «европейское», отличное от остальных культур, заключалось именно в переходе от традиционного общества к обществу модерна, а это, в свою очередь, происходило, прежде всего, на европейском Западе.

Таким образом, термин «Запад» с XVII–XVIII вв. приобретает четкий цивилизационный смысл, становясь синонимом «модерна», «модернизации», «прогресса», социального, промышленного, экономического и технологического развития. Отныне все, что вовлекалось в процессы модернизации, автоматически причислялось к Западу. «Модернизация» и «вестернизация» стали синонимами.

Идея «прогресса» как обоснование политики колониализма и культурного расизма

Тождество «модернизации» и «вестернизации» заслуживает некоторых пояснений, которые приведут нас к очень важным практическим выводам. Дело в том, что становление в Европе небывалой цивилизации Нового времени, учреждение «модерна» привело к особой культурной установке, сформировавшей самосознание вначале самих европейцев, а затем и всех тех, кто попал под их влияние. Этой установкой является искренняя убежденность в том, что путь развития западной культуры и особенно переход от традиционного общества к обществу современному есть не просто особенность только Европы и населяющих ее народов, но универсальный закон развития, обязательный для всех остальных стран и народов. Европейцы, «люди Запада» первыми прошли эту решающую стадию, но все остальные фатально обречены на то, чтобы идти по тому же самому пути, т. к. в этом состоит «объективная» логика мировой истории, этого требует «прогресс».

Так возникает идея, что *Запад является обязательной моделью исторического развития всего человечества*, и всемирная история — как в прошлом, так в настоящем и будущем — мыслится как повторение тех этапов, которые Запад в своем развитии уже прошел или проходит в настоящий момент, опережая всех остальных. Везде, где европейцы сталкивались с «незападными» культурами, которые сохраняли «традиционное общество» и его уклад, они ставили однозначный диагноз — «варварство», «дикость», «неразвитость», «отсутствие цивилизации», «отсталость». Так, постепенно *Запад стал идеей*, нормативным критерием для оценки народов и культур всего мира. Чем *дальше* они были от Запада (в его новейшей исторической фазе), тем более «ущербными» и «неполноценными» они считались.

Архаические корни западной исключительности

Любопытно проанализировать происхождение этой универсалистской установки, отождествляющей Европу и этапы ее развития с общеобязательной логикой всемирной истории.

Самые глубокие и архаические корни можно *найти в культурах древних племен*. Архаическим обществам свойственно отождествлять понятие «человек» с понятием «принадлежащий к племени», «этносу», что приводит подчас к отказу иноплеменникам в статусе «человека» или присвоению им заведомо низшей иерархической ступени. Пленники из других племен или поработанные народы становились, по этой же логике, *классом рабов*, вынесенным *за пределы человеческого социума*, лишенными всяких прав и привилегий. Эта модель — соплеменники=люди, иноплеменные=нелюди — лежит в основе социальных, правовых и политических институтов прошлого, что подробно исследовал Гегель (и, в частности, гегельянец А. Кожев), рассматривая пару фигур Господин — Раб. Господин был всем, Раб — ничем. Господи-

ну принадлежал статус человека, как привилегия. Раб приравнивался — даже юридически — к домашнему скоту или орудиям производства.

Эта модель господства оказалась гораздо более устойчивой, чем можно было подумать, и переживала в измененной форме в Новое время. Так возник комплекс идей, который парадоксально сочетал демократию и свободу внутри самих европейских обществ с жесткими расистскими установками и циничным колониализмом в отношении иных — «менее развитых» — народов.

Показательно, что институт рабства, причем на *расовых* основаниях, после более чем тысячелетнего перерыва возрождается в западных обществах — в первую очередь, в США, но также и в странах Латинской Америки — именно в *Новое время*, в эпоху распространения *демократических и либеральных* идей. Причем *теория «прогресса»* служит, как ни странно, обоснованием нечеловеческой эксплуатации европейцами и белыми американцами автохтонов индейцев и африканских рабов.

Складывается впечатление, что *по мере становления цивилизации Нового времени в Европе модель Господин — Раб переносится из самой Европы на весь остальной мир в форме колониальной политики.*

Империя и ее влияние на современный Запад

Другим важным источником этого же явления была *идея Империи*, от которой в явной форме европейцы отказались на заре Нового времени, но которая проникла в *бессознательное западного человека*. Империя как Римская, так позже и христианская (Византийская на Востоке и Священная Римская Империя Германских Наций на Западе), мыслилась как *Вселенная*, внутри которой проживают люди (граждане), а за ее пределами — «недолюди», «варвары», «еретики»,

«иноверцы» или даже фантастические существа — людоеды, монстры, вампиры, библейские «гоги и магоги» и т. д. Здесь племенное деление на своих (людей) и чужих (нелюдей) переносится на более высокий и абстрактный уровень — граждан империи (участников Вселенной) и неграждан (обитателей глобальной периферии)¹.

Эта стадия обобщения того, что является, а что не является человеком, вполне может быть рассмотрена как *переходный* этап между архаикой и современным Западом. Отвергнув Империю формально, вместе с ее религиозными основаниями, современная Европа полностью сохранила *империализм*, только перенесла его на уровень ценностей и интересов. Прогресс и техническое развитие отныне осознавались как *европейская миссия*, во имя которой и развертывалась планетарная *колониальная стратегия*.

Таким образом, Новое время, порвавшее с традиционным обществом формально, перенесло некоторые базовые установки именно этого традиционного общества (архаическое деление на пару человек-нечеловек по этнической принадлежности, модель Раб — Господин, империалистическое отождествление своей цивилизации со Вселенной, а всех остальных — с «дикарями» и т. д.) на новые условия жизни. Так Запад, как идея и как планетарная стратегия, стал амбициозным проектом *нового издания мирового господства* — на сей раз возведенного в статус «просвещения», «развития» и «прогресса» всего человечества. Это своего рода «гуманистический империализм».

Важно, что тезис о прогрессе не был простым *прикрытием* для эгоистических хищнических интересов людей Запада в их колониальной экспансии. Вера в универсализм западных ценностей и в логику исторического развития была вполне

---

¹ Еще в XVII в. европейские и американские авторы (в частности, иезуиты) задавались вопросом о том, принадлежат ли индейцы, коренное население Америки к человеческому роду или являются разновидностью животных.

искренней. Интересы и ценности в данном случае совпадали. Это и давало огромную энергию первопроходцам, мореплавателям, путешественникам и предпринимателям Запада осваивать планету — они искали не только наживы, но и несли «дикарям» Просвещение.

Все вместе — жестокое ограбление, циничная эксплуатация и новая волна рабовладения вместе с модернизацией и технологическим развитием колониальных территорий — и легли в основу Запада как идеи и как мировой практики.

Модернизация: эндогенная и экзогенная

Здесь следует сделать одно важное замечание. Начиная с XVI в., с территории Западной Европы начинается процесс планетарной модернизации. Этот процесс строго совпадает с колонизацией Западом новых земель, где, как правило, проживают народы, сохраняющие устои традиционного общества. Но постепенно модернизация затрагивает всех: и людей Запада, и людей не-Запада. Так или иначе модернизируются все. Но сущность модернизации в разных случаях остается различной.

На самом Западе — и, в первую очередь, в Англии, Франции, Голландии (и особенно в США — стране, построенной как лабораторный эксперимент Нового времени на якобы «пустой земле», «с чистого листа») — модернизация носит *эндогенный* характер. Она вырастает из последовательного развития культурных, социальных, религиозных и политических процессов, заложенных в самой основе европейского общества. Не везде это протекает одновременно и с одной и той же интенсивностью — здесь явно отстают такие народы, как немцы, испанцы и итальянцы, у которых модернизация идет в несколько замедленном ритме, чем у их европейских соседей на Западе. Но, в любом случае, Новое время для европейских народов наступает *по их внутреннему гра-*

фику и в соответствии с естественной логикой их развития. Модернизация стран и народов самого Запада протекает по внутренним законам. Такая модернизация, которая разворачивается из объективных предпосылок и соответствует воле и настрою *большинства* европейского населения, является *эндогенной*, т. е. имеющей внутренние причины.

Совсем иное дело с теми странами и народами, которые втягиваются в процесс модернизации *помимо их воли*, становясь жертвой колонизации или будучи вынужденными сопротивляться европейской экспансии. Конечно, подчиняя себе страны и народы или увозя в США черных рабов, люди Запада *способствуют процессу модернизации*. Они завозят вместе с колониальной администрацией новые порядки, устои, а также технику, логистику экономических процессов, нравы, учреждения, социально-политические структуры, правовые установки. Черные рабы, особенно после победы аболиционистов-северян, становятся членами *более* развитого общества (хотя и на основании людей второго сорта), чем архаические племена Африки, откуда они были вывезены работорговцами. Факт модернизации колоний и поработанных народов отрицать нельзя. Запад и в этом случае оказывается *мотором модернизации*. Но данная модернизация оказывается весьма специфической. Ее можно назвать *экзогенной*, т. е. происходящей *извне*, навязанной, занесенной.

Незападные народы и культуры пребывают в условиях традиционного общества, развивающегося в соответствии со своими циклами и своей внутренней логикой. Там также бывают периоды подъема и упадка, религиозные реформы и внутренние раздоры, экономические катастрофы и технические открытия. Но эти ритмы соответствуют иным, *незападным* моделям развития, следуют иной логике, направлены к иным целям и решают иные задачи. Экзогенная модернизация — и в этом ее основное свойство — *не происходит из внутренних потребностей и естественного развития традиционного общества*, которое, будучи предоставлено само-

му себе, скорее всего никогда не пришло бы к тем структурам и моделям, которые сложились на Западе. Иными словами, такая модернизация является *насильственной* и навязанной извне.

И в данном случае, синонимический ряд модернизация = вестернизация можно продолжить: = колонизация (введение внешнего управления). Подавляющее *большинство* человечества — за вычетом европейцев и прямых потомков колонизаторов Америки — подверглось именно этой насильственной, навязанной, внешней модернизации. Что сказала на *травматичности и внутренней противоречивости* большинства современных обществ Азии, Востока, Третьего мира. Это *болезненный модерн*, это карикатурный Запад.

Два типа обществ с экзогенной модернизацией

Теперь, внутри всех обществ, подвергшихся экзогенной модернизации, можно выделить два больших класса:

- 1) сохранившие политико-экономическую *самостоятельность* (или добившиеся ее в ходе антиколониальной борьбы) и
- 2) *утратившие ее*.

Если рассмотреть второй случай, то мы имеем дело с *чистой колонией*, полностью потерявшей свою самостоятельность и причастной к ценностям Нового времени не более, чем индейцы из североамериканских резерваций. Такие общества могут быть архаичными (как некоторые африканские, южноамериканские или тихоокеанские племена), но частично пересекаться с высокотехнологическими и вполне модернизированными структурами, развернутыми *на том же самом пространстве* колонизаторами. Здесь *смыслового* пересечения между автохтонами и модернизаторами почти нет — статус местных обществ не сильно отличается от статуса обитателей зоопарка или, в лучшем случае, заповедной

зоны, населенной вымирающими видами (занесенными в белую книгу природы). В этой ситуации *модернизация идет мимо местного населения*, которое продолжает не замечать ее, сталкиваясь лишь с техническими ограничениями — в виде колючей проволоки или стальных решеток клетки.

В том случае, когда мы имеем дело с обществом, которое *вынужденным* образом прошло определенный путь по линии вестернизации и экзогенной модернизации, но сделало это *в ответ на угрозу колонизации со стороны Европы* (Запада) и сумело сохранить *независимость*, процесс модернизации (= вестернизации) приобретает более сложный характер. Можно назвать это «*оборонительной модернизацией*».

Здесь в центре внимания оказывается *баланс* между ценностями, свойственными традиционному обществу, подлежащими сохранению для поддержания идентичности, и теми заимствованными моделями и системами, которые необходимо импортировать с Запада для создания предпосылок и условий для частичной (оборонительной) модернизации. Вместе с тем, в таких обществах сохраняется *субъектность*, определяющая собственные *интересы*, что предопределяет остроту сопротивления колонизаторским инициативам Запада.

Картина складывается такая: чтобы отстоять свои интересы перед лицом натиска Запада, страна (общество) вынуждена заимствовать некоторые ценности с того же самого Запада, но сочетать их с ценностями самобытными. Это явление С. Хантингтон назвал термином «*модернизация без вестернизации*».

Это выражение несет в себе некоторое противоречие: т. к. модернизация и вестернизация суть *синонимы* (Запад = модерн), то невозможно проводить модернизацию в отрыве от Запада и копирования его ценностей — в традиционных обществах, не входящих в ареал европейской культуры, предпосылки для модернизации просто отсутствуют. Поэтому речь идет не о полном отказе от «вестернизации», но о таком

балансе между собственными и заимствованными с Запада ценностями, который удовлетворял бы условиям сохранения идентичности (отличия от Запада — причем принципиального!) и развитию *оборонных* технологий, способных конкурировать с Западом в основных жизненных областях (чего невозможно достичь без интенсивного включения в контекст Запада). Получается, что такая разновидность экзогенной модернизации основана на наличии самостоятельных *интересов* (строго отличных от колонизаторских интенций Запада), но при этом *на сочетании собственных ценностей с прагматически заимствованными ценностями Запада*. (Можно сказать, что это «модернизация + частичная вестернизация»).

В эту категорию экзогенной модернизации попадают такие страны, как Россия (причем на всем протяжении периода Нового времени — и это довольно уникальный случай!), но также современный Китай, Индия, Бразилия, Япония, некоторые исламские страны, страны Тихоокеанского региона (вступившие в этот процесс намного позже — в последнее столетие). Кроме России остальные страны, идущие по этому пути, были в определенный момент *колониями* Запада и получили независимость относительно недавно, либо (как Япония) потерпели поражение в военном конфликте и были оккупированы.

В любом случае, этот тип экзогенной модернизации выдвигает на первый план *вопрос о балансе собственных и заимствованных ценностей*, т. е. проблему пропорций и качества элементов, принадлежащих к двум *культурно-историческим и цивилизационным формам* — к местным консервативным устоям традиционного общества и якобы «универсальным» и «прогрессивным» моделям западной цивилизации.

В этой пропорции и заключается самое главное, что составляет сущность отношений России с Западом.

Мы вернемся к этому чуть позже, а сейчас сделаем несколько геополитических замечаний.

Концепции «Запад» и «Восток» в Ялтинском мире

Обратимся к геополитическим аспектам рассматриваемой нами проблемы и связанным с ними трансформациям понятия «Запад» в XX в.

После окончания Второй мировой войны понятие «Запад» стало применяться геополитически к совокупности *развитых* стран, ставших на *капиталистический* путь развития. Это было еще одной коррекцией понятия «Запад». Такой «Запад» фактически был *тождественен капитализму и либерально-демократической идеологии*. Те страны, которые продвинулись по этому пути дальше других, собственно и считались «Западом» в конструкции двухполюсного (биполярного) мира, называемого также «Ялтинским» (по месту совещания глав стран антигитлеровской коалиции, предопределившей карту миру во второй половине XX в. — Сталина, Рузвельта и Черчилля).

На этот раз понятие «Запад» частично отличалось от того, что мы рассматривали ранее. Во-первых, идеологически к «Западу» в широком смысле принадлежали и коммунистические режимы — в первую очередь, СССР, — которые, заимствовали «западноевропейские» теории социализма и коммунизма (построенные на наблюдениях за историей политэкономического развития именно *западных* обществ вместе с соответствующей верой в прогресс и универсальность этих закономерностей для всего человечества). Но при этом марксизм стал излюбленной моделью такой модернизации традиционных обществ, которая могла *совместить* соблюдение собственных геополитических интересов, частичное сохранение локальных традиционных ценностей с мощным заимствованным аппаратом модернизационных и собственно западных идей, структур, институтов и теорий. Таким образом, марксизм — и советский, и китайский (маоизм), и вьетнамский, и северокорейский и т. д. — следует рассматривать как *вариант той самой экзогенной модерни-*

зации, которую мы рассматривали выше. Причем, с точки зрения технологической и идеологической конкуренции, этот проект оказался относительно *успешным*. Хотя догматически марксизм претендовал на то, что он заменит собой капитализм после того, как последний достигнет критической стадии в своем становлении. На практике вышло совсем иначе — коммунистические партии победили в тех обществах, где капитализм был в *зачаточном* состоянии, а традиционное общество (в первую очередь, аграрное) преобладало и в экономическом, и в культурном смыслах. Иными словами, реализовавшийся, победивший марксизм был *опровержением теорий своего идейного основоположника*, и, напротив, история капиталистических обществ показывает, что предсказания Маркса о неизбежности в них пролетарских революций были опровергнуты временем. Маркс настаивал на том, что пролетарской революции в России (и в других странах с преобладанием «азиатского способа производства») произойти не может, но она произошла именно здесь. При этом в обществах с развитым капитализмом их не случилось.

Из этого можно сделать только один вывод: *марксизм в коммунистических режимах был не тем, что он сам о себе провозглашал*, но лишь моделью *экзогенной модернизации*, где западные ценности брались лишь частично и неявно сочетались с местными религиозно-эсхатологическими и мессианскими течениями. В целом эта процедура специфической модернизации — «*альтермодернизации*» по социалистическому (тоталитарному), а не по капиталистическому (демократическому) пути — служила, в первую очередь, для *отстаивания геополитических и стратегических интересов самостоятельных держав*, стремившихся отразить колониальные атаки Европы и (позже) Америки.

Стратегический блок, сформировавшийся вокруг СССР — авангарда этой *альтермодернизации*, был назван после Второй мировой войны «Востоком». Хотя речь шла, строго говоря, о варианте экзогенной модернизации: формально

ценностная система марксизма основывалась на парадигме Нового времени в той же степени, как и капиталистические общества. Иногда в политологии Ялтинского периода вместо формулы «Восток» («коммунистический Восток», «Восточный блок») употреблялось выражение «*Второй мир*», которое гораздо точнее и включает в себя те страны, которые провели ускоренную индустриализацию с частичной и весьма специфической модернизацией (коммунистического толка) и, самое главное! — сумели сохранить геополитическую самостоятельность и избежать (или освободиться от) прямой колонизации.

В таком случае, понятие «Третий мир» приобретает осмысленность.

«*Первый мир*», т. е. собственно «Запад» — в терминологии послевоенного периода — включает в себя *страны с эндогенной модернизацией* (Европу, Америку), а также единственный случай экзогенной, но чрезвычайно успешной технологически модернизации в лице *оккупированной Японии*, сумевшей направить внутреннюю энергию завоеванной нации на гигантский экономический рывок по западным стандартам. Но при этом Япония *утратила геополитическую самостоятельность* и в стратегическом смысле стала покорной и надломленной колонией США.

«*Второй мир*» — это страны экзогенной модернизации, которые сумели воспользоваться тоталитарно-социалистическими методами модернизации — с частичным и относительно успешным заимствованием западных технологий и сохранением независимости от капиталистического Запада. Это, в понятиях Ялтинского мира, называлось «Востоком».

И, наконец, «*Третий мир*» обобщал страны экзогенной модернизации, которые отстали в развитии и от «Первого», и от «Второго» миров, не обладали полноценной суверенностью, сохраняли устои традиционного общества и вынуждены были зависеть либо от «Запад», либо от «Востока», представляя собой полузависимые колонии того, или другого.

Итак, если мы ограничиваем наше рассмотрение условиями «холодной войны» (двухполярного мира), то понятие «Запад» в этом случае будет выступать синонимом капиталистического лагеря — «Первого мира», включающего наиболее развитые и богатые страны Северной Америки, Европы и Японию.

Интеллектуальным штабом интеграции «Первого мира» — «Запада» в этом конкретном смысле — была «Трехсторонняя комиссия» (Trilateral comission), созданная на основе американского «Совета по внешней политике» (Council on Foreign Relations) и включающая в себя представителей элиты США, Европы и Японии. Так, определенный сегмент интеллектуалов, банкиров, политиков, ученых «Запада», начиная с определенного момента (60-е гг. XX в.) взял на себя историческую ответственность за процессы глобализации и создание «мирового правительства» на основе *конечной победы* «Запада» над всем остальным миром — и в геополитическом, и в ценностном, и в экономическом, и в идеологическом смысле.

В 90-е годы XX века «Запад» становится глобальным

Еще одну трансформацию понятие «Запад» испытало в 90-е гг. XX в., когда рухнула архитектура двухполярного (Ялтинского) мира. Отныне либерал-капиталистическая модель стала *главной и единственной*, коммунизм, как проект альтермодернизации, рухнул, не выдержав конкуренции, и военно-политическая и экономическая мощь США стала неоспоримо превышать все остальные страны. Односторонняя капитуляция СССР и Варшавского блока в «холодной войне» с параллельным самороспуском открыла путь *глобализации* и построению *однополярного* мира². Американский философ-неоконсерватор Френсис Фукуяма заговорил о «*конце*

² Дугин А. Геополитика постмодерна. СПб., 2007.

истории», о «замене политики экономикой» и «превращении планеты в единый и однородный рынок»³.

Это означало, что понятие «Запад» стало *глобальным и единственным*, т. к. ничто больше не оспаривало не только саму идею модернизации, но и ее наиболее ортодоксальный, наиболее западный, в историческом смысле этого слова, *либерально-капиталистический проект*. Столь успешная и весомая победа «Запада» над «Востоком», т. е. «Первого мира» над «Вторым», по сути, *ликвидировала альтернативы модернизации*, сделала ее единственным и неоспоримым *содержанием мировой истории*. Каждый, кто хотел оставаться подключенным к «современности», должен был признать это *безусловное верховенство «Запада»*, выразить ему свою лояльность и, вместе с тем, раз и навсегда *отказаться от каких бы то ни было собственных интересов*, хоть в чем-то отличных и, тем более, идущих в разрез с интересами США (или, шире, стран блока НАТО) — как флагмана однополярного мира.

Отныне проблема ставилась только таким образом: *в какой сегмент глобального «Запада» будет интегрирована та или иная страна, то или иное государство?* Если модернизация и, соответственно, вестернизация были проведены успешно, то был шанс интегрироваться в «золотой миллиард» или зону «богатого Севера». Если по каким-то причинам этого не получилось, оставалась интеграция в пояс мировой периферии, в зону «бедного Юга». При этом планетарное разделение труда предполагало обещание модернизации и для «бедного Юга», но на сей раз — по *колонияльному сценарию*, где политическое рабство заменялось *экономическим*, а импорт западных культурных стандартов методично искоренял автохтонные ценности (так, жители Южной Кореи, получившей мощный импульс экзогенной модернизации колониального типа, вместе с бурным экономическим ростом получили почти поголовное распространение протестантизма среди

³ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.

традиционно шаманистского, буддистского и конфуцианского населения). Включенность всех стран в глобальный Запад ничего не гарантировала, но *давала шанс*.

В этом же русле проходили реформы и в России, появившейся как новое образование после распада СССР, который, в свою очередь, наследовал геополитическую повестку Российской империи. Россия также *попыталась интегрироваться в глобальный Запад*, рассчитывая на место в «богатом Севере» и надеясь «причаститься» к модернизации в ее *магистральном* (капиталистическом), а не *окольном* (социалистическом) пути. При этом России, как и всем остальным странам, предлагалось *отказаться вначале от глобальных претензий*, а потом и от *локальных*, довольствуясь ролью стратегического сателлита США среди еще менее модернизированных народов без каких бы то ни было особых привилегий. В стране, по сути, вводилось *внешнее управление*.

И соответственно, у власти размещалась *колониальная элита* из реформаторов-западников и олигархов, осознающих самих себя как менеджеров, работающих на глобальную транснациональную корпорацию со штаб-квартирой по ту сторону Атлантики.

Глобализация

В начале 1990-х гг., когда «конец истории» казался не только весьма близким, но почти свершившимся, *понятие «Запад» практически совпало с понятием «мир»*, что и было закреплено в термине «глобализация».

Глобализация представляет собой последнюю точку в практической реализации изначальных претензий «Запада» на универсальность своего исторического опыта и своей ценностной системы. Проникая в различные общества и культуры, сочетая гуманитарные проекты с колониальными методами удовлетворения собственных интересов (в первую очередь, в сфере природных ресурсов), процесс глобализации делал «Запад» *понятием глобальным*. Мир стремитель-

но двигался к *однополярной* модели, где развитый *центр* (ядро — США, трансатлантическое сообщество) имел дело с недоразвитой *периферией*⁴.

Так сложилась модель, описанная в классическом тексте С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций»⁵ — *The West and the Rest* («Запад и все остальные»). Но в модели глобализации эти «все остальные» не рассматриваются как *нечто иное* в отношении «Запада»; это *тоже* «Запад», только недоделанный, несовершенный, своего рода «недо-Запад».

И тут уже в новых исторических условиях и через вереницу трансформаций и смысловых изменений мы снова сталкиваемся с тем *культурным расизмом* и либерал-демократическим *секулярным «мессианством»*, которые мы обнаружили у истоков эпохи модерна и в изначальном определении понятия «Запад».

Постмодерн и Запад

В 1990-е гг. происходит еще один интересный процесс, касающийся содержания понятия «модернизация». Дело в том, что процесс модернизации, который с разными скоростями и с разным качеством проходил так или иначе во всем мире, начиная с эпохи становления Нового времени в Западной Европе, к концу XX столетия *подошел к своему логическому завершению*. Причем, естественно, это произошло на самом Западе: тот, кто раньше других и по естественным причинам начал процесс модернизации традиционного общества, тот первым достиг *финиша*. Поэтому, преодолев и инерцию сопротивления консервативных структур, и довольно эффективную на определенном этапе конкуренцию со стороны социалистической альтермодернизации, модерн в его либерально-капиталистической форме к определенному моменту, по сути, *закончил выполнение своей программы* — прямое

---

⁴ Barnett T. The Pentagon's New Map: War and Peace in the Twenty-First Century. Washington, 2004.

⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

противостояние альтернативных идеологий было сломлено, а преодоление пассивного сопротивления мировой периферии становилось делом техники — и там, где оно еще сохранялось, его можно было приравнять к *«инерциальной реакции объективной среды»*, а не конкурентной стратегии. Борьба с традиционным обществом и его попытками предстать в новом облики (альтера модернизация, социализм) закончилась *победой либерализма*. И на самом Западе модернизация достигла *внутреннего рубежа*, добравшись до самого дна западной культуры.

Это состояние окончательного исчерпания повестки дня процессов модернизации на самом Западе породило весьма специфическое явление — *постмодерн*.

Суть постмодерна в том, что окончание модернизации традиционного общества переносит людей Запада в принципиально *новые условия*. Можно уподобить это долговому движению к намеченной цели. Люди, расположившиеся в поезде, едущем к невероятно далекой станции, настолько привыкли к движению, которое не останавливается в течение нескольких поколений, что по-другому не представляют себе жизни. Они видят существование как развитие, обращенное к далекой цели, о которой все помнят, к которой все стремятся, но которая остается все время еще очень далекой. И вот поезд прибывает на *конечную станцию*. Цель достигнута, поставленные задачи решены. Перед нами перрон, вокзал... Но люди настолько привыкли все время двигаться, что не могут прийти в себя от шока *столкновения с осуществившейся мечтой*. Когда цель достигнута и больше некуда стремиться, некуда ехать, не к чему двигаться. *Прогресс достиг своего предела*. Это и есть «конец истории» или «пост-история» (А. Гелен, Дж. Ваттимо, Ж. Бродрийяр).

Этой метафорой можно вполне описать состояние постмодерна. Здесь и чувство успеха, и чувство разочарования. В любом случае, это *больше не модерн*, не Просвещение, не Новое время. Критическая фракция философов постмодерна

подвергла *осмеянию* различные этапы движения к этой цели, принялась иронизировать над иллюзиями и надеждами, которыми тешили себя те, кто начинал движение, не подозревая, каким будет достижение поставленной цели. Другие, напротив, предлагали расстаться с критическим чувством и воспринимать «дивный новый мир» как он есть, не вдаваясь в детали и сомнения.

В любом случае, оцененный со знаком минус или со знаком плюс постмодерн представлял собой *терминальное состояние*. Вера в прогресс сделала свое дело и уступила место *игровой темпоральности*⁶. Реальность, вытеснившая ранее миф, религию, священное, сама превратилась в виртуальность⁷. Человек, на заре Нового времени свергнувший Бога с пьедестала, сам отныне готов уступить королевское место постчеловеческим породам — киборгам, мутантам, клонам, продуктам полностью «раскрепощенной техники» (О. Шпенглер⁸).

Пост-Запад

Запад в эпоху глобализации не только сам становится глобальным и вездесущим (что выражается в униформности мировых мод, повальном распространении компьютерных и информационных технологий, повсеместном установлении рыночной экономики и либерально-демократических политических и правовых систем), но в своем ядре, в центре однополярного мира, «богатого Севера» он *качественно меняется от модерна к постмодерну*.

⁶ Делез Ж. Логика смысла. М., 1995. Сравните понятия Делеза «эон» (рассудочная темпоральность, имеющая прошлое и будущее, но не имеющее бытийного настоящего) и «хронос» (бытийная темпоральность, представляющее чистое настоящее, лишённое смысла — т. е. будущего и прошлого); обе темпоральности приобретают, согласно Делезу, свободу в состоянии «ризомы». См. также Дугин А. «Постфилософия», М., 2009.

⁷ Дугин А. Постфилософия. Указ. соч.

⁸ Шмитт К. Планетарная напряженность между Востоком и Западом. Приложение к А. Дугин. Основы геополитики. М., 2000.

И отныне обращение к этому ядерному Западу, Западу в его высшем проявлении, быть может, впервые в истории *не влечет за собой модернизации* (какой бы то ни было — экзогенной или эндогенной), т. к. сам *Запад отныне синонимичен не модерну, но постмодерну*. А постмодерн — с его иронией, чистой технологичностью, рециклированием старого, утратой веры в прогресс — более *не предлагает для своей периферии даже отдаленной перспективы развития*. Постмодернистский Запад уже не верит в прогресс, т. к. наступивший «конец истории» ставит совершенно иные проблемы, перед весом и значением которых подтягивание до своего уровня «бедного Юга» выглядит абсолютно ненужной, никчемной и бессмысленной задачей — коль скоро чего-чего, а уж ответа на новые проблемы эпохи постмодерна там точно не содержится.

Поэтому те, кто по инерции обращаются к *корневому Западу* в поисках модернизации в новых условиях, *обречены на колоссальное разочарование* — пройдя весь путь модернизации до конца, Запад не имеет больше *стимула* ни двигаться в этом направлении самому, ни увлекать за собой других. Запад перешел в качественно новую стадию. Теперь это уже не Запад, а *пост-Запад*, особый видоизмененный в своей глубинной природе *Запад эпохи постмодерна*.

Технически и технологически он полностью доминирует, и процессы глобализации разворачиваются полным ходом, но это уже не *поступательное развитие, а круговое движение вокруг все более и более проблематичного центра*. Архитектура постмодерна излюбленным ходом создает такие конструкции, где стили и эпохи причудливо перемешаны, а на месте центральной точки архитектурного ансамбля зияет дыра. Это — *отсутствующий центр*, полюс круга, представляющий собой провал в небытие.

Такова и содержательная структура однополярного мира. В центре глобального запада — в США и странах трансатлантического альянса — сверкает черная бессмысленная яма наступившего постмодерна.

Зазор между теорией и практикой глобализма

Последняя метаморфоза Запада при переходе к постмодерну, которую мы описали выше, является все же чисто теоретической конструкцией. Такая картина сложилась к началу 90-х гг. XX в., так осмыслили логику мировой истории те мыслители, которые еще сохранились на Западе, прежде чем окончательно уступить дорогу постчеловечеству (возможно, мыслящим автоматам). Но между такой теоретической конструкцией и ее воплощением сохранялся определенный зазор. Размышление о природе и структуре *такого* Запада и *такого* постмодерна приводили даже его ярых апологетов в состояние ужаса и отчаяния. Так, Френсис Фукуяма, певец «конца истории» и глобального рынка, в определенный момент отшатнулся от той идиллической картины, которую сам же и нарисовал в начале 90-х, и предложил сдать назад, удерживая Запад в том состоянии, где он находился, еще не подъехав к конечной станции⁹. Критики Фукуямы, в том числе и упоминавшийся выше С. Хантингтон, и вовсе завышали качество и объем тех преград, которые еще предстоит преодолеть Западу, чтобы стать по-настоящему глобальным и всеобщим. С разных точек зрения, все стали *цепляться за остатки модерна* — с его национальными государствами, верой в прогресс, морализаторством, менторством и фобиями, — к которым все давно привыкли. Тогда было решено *продлить движение к намеченной цели* или, по крайней мере, симулировать покачивание вагонов и стук колес на стыках рельс.

Сегодня Запад пребывает как раз в этом зазоре — *между* тем, чем он теоретически должен стать в эпоху глобализма и по факту преодоления всех преград и победы над всеми альтернативами, и тем, что ему чрезвычайно не хочется признавать как новую глобальную архитектуру постмодерна — с дырой вместо центра. И, тем не менее, в этом зазоре — бесконечно малом и постоянно сокращающемся — происходят

---

⁹ Фукуяма Ф. «Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции», М., 2004.

довольно важные процессы, которые непрерывно меняют общую картину мировых процессов.

Все это активно влияет на Россию.

США и Евросоюз: два полюса западного мира в начале XXI века

Колебание Запада в зазоре между закончившимся модерном и начинающимся постмодерном отражается и в геополитическом срезе.

Так, исчезновение глобального конкурента в лице СССР (альтермодернизационный проект) *поставило под вопрос трансатлантическую цивилизацию*. Отсутствие врага на Востоке делало связь США и Европы в рамках «ядерного Запада» не столь очевидной и само собой разумеющейся. Стало проявляться *расслоение трансатлантического Запада на США и Евросоюз*.

Центр Запада в течение XX в. постепенно *сместился по ту сторону Атлантики*, к США. И после Второй мировой войны именно США взяли на себя миссию *авангарда Запада*. Они стали сверхдержавой, обеспечивающей своей мощью военно-стратегическую безопасность и экономическое процветание европейских стран.

После распада СССР роль центра Запада еще прочнее утвердилась за США. Это совпало с европейской интеграцией и созданием в Европе по сути *наднационального государства*, государства постмодернистского типа (Р. Купер¹⁰). Будучи когда-то колыбелью Запада, как явления, Европа, в свою очередь, стала «Востоком» *по отношению к США*. США прошли по пути модернизации и постмодернизации *дальше*, чем Европа, и Старый Свет в сравнении с Новым превратился в нечто *самостоятельное*.

Так сложилась геополитическая картина, где в пространстве самого Запада наметился определенный *дуализм*. С од-

¹⁰ Cooper R. The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-first Century. London, 2003.

ной стороны, самым «продвинутым» Западом стали США. А Европа, со своей стороны, попыталась нащупать свой отдельный, *особый путь*.

Начались даже философские споры, и некоторые американские неоконсерваторы (в частности, Р. Кэйган¹¹) предложили рассматривать американскую цивилизацию, как вытекающую из концепции грозного государственного «Левиафана» Гоббса, а Евросоюз как воплощение пацифистских идей Канта — с его гражданским обществом, толерантностью и правами человека. Предлагались и иные классификации. В любом случае, США и Европа начали *по-новому осмыслять свою идентичность*, свои *ценности*, свое отношение к модерну и постмодерну.

На уровне *интересов* это проявилось еще ярче. Евросоюз, как первая коммерческая и вторая экономическая сила в мире, осознал, что его интересы в арабских странах, а также в отношении России и других стран Востока, сплошь и рядом *отличаются* от американских и часто *противоположны* им. Особенно наглядно это проявилось во время Иракской войны, когда командование НАТО не поддержало американское вторжение, а лидеры Франции и Германии (Ширак и Шредер) совместно с Президентом России В. Путиным выступили резко против этой войны.

Можно описать сложившуюся картину такой формулой: *у США и Европы сегодня общие ценности, но различные интересы*. Различие интересов и осознание этого различия особенно заметно в таких странах, как Франция, Германия, Италия, Испания. Их обычно называют странами «*континентальной Европы*», а тенденцию к представлению Европы как самостоятельного геополитического игрока, который по возможности должен стать независимым от США, — *континентализмом* или *евро-континентализмом*. В самых крайних случаях континенталисты утверждают, что у США

---

¹¹ Kagan R. Of Paradise and Power. Washington, 2003.

и Европы различны не только интересы, но и ценности (например, французский философ Ален де Бенуа¹²).

На другом полюсе Европы находятся те, кто всячески подчеркивают *единство ценностей* и на этом основании настаивают на подстраивании *европейских интересов под американские*. К этому полюсу относятся *евро-атлантисты* (Англия, страны Восточной Европы — Польша, Венгрия, Румыния, Чехия, страны Балтии и т. д.).

Эти две тенденции в самой Европе создают *двойственную идентичность* — с одной стороны, мы имеем дело с континентальной Европой, с другой — с атлантистской (проамериканской). К понятию «Запад» оба полюса Европы относятся неоднозначно: континенталисты считают, что если Европа — Запад, то США — уже *что-то другое*. А атлантисты, напротив, всячески стремятся отождествить судьбы Европы и Америки как *единой цивилизации*, где Атлантика является своего рода «внутренним озером» (подобно тому, как греческая и римская эйкумены рассматривали в свое время Средиземное море). Для евро-атлантистов Евросоюз и США вместе представляют именно Запад, при том что авангардом его являются США.

Идентичность России: страна или...?

Теперь перейдем к рассмотрению идентичности современной России. Предварительное разбирательство того, что следует понимать под термином «Запад», снабдило нас надежным инструментарием, чтобы определить, что мы понимаем под «Россией». И после этого можно уже вполне корректно и обоснованно описать соотношение и того, и другого в настоящем и вероятном будущем.

Существует два принципиально различных понимания современной России (впрочем, это можно сказать и о царской романовской России, где велись оживленные споры по тому же поводу).

¹² *Benoist A. de. L'Europe, Tiers-monde, meme combat. Paris, 1992.*

Россию можно понимать либо как *страну*, либо как *самостоятельную цивилизацию*. В зависимости от принятого решения, как мы понимаем Россию, будет определяться и структура наших отношений с Западом.

Если Россия — страна, то ее следует *соотнести с другими странами*, например, такими как Франция, Германия, Англия или США. В этом случае ее придется *отнести к Европе* (по частичному географическому расположению, преобладанию христианства и индоевропейскому происхождению доминирующих славянских этносов — в первую очередь, великороссов) и, соответственно, к «Западу». Многие считают Россию *европейской державой*. Такое мнение преобладает:

- у *романовской аристократии*;
- у русских западников и
- у современной российской политической элиты.

Из уст Путина и Медведева мы неоднократно слышали высказывания о том, что «Россия — европейская страна».

Если встать на эту позицию, то надо почти сразу признать, что Россия — «*плохая*, а то и вовсе ужасная европейская страна», т. к. она явно выпадает из того, что принято считать нормативным образцом западной цивилизации. Ценностная, социальная, политическая, культурная и психологическая идентичность России настолько отличаются от европейского и американского общества, что сразу же возникает сомнение в ее принадлежности к Западу.

Самый главный критерий при этом — *природа российской модернизации*. При ее рассмотрении мы явно видим все признаки *экзогенности*, т. е. *внешнего* происхождения модернизационного импульса, который не вызревал внутри самого общества, но искусственно и насильственно (авторитарно или тоталитарно) навязывался *сверху* тиранической властью деспота (Петр Великий) или экстремистскими фанатиками (большевики). В России не вызревали и не вызрели:

- ни капитализм;
- ни индивидуализм;

- ни демократия;
- ни рационализм;
- ни личная ответственность;
- ни правовое самосознание;
- ни гражданское общество.

Напротив, преобладали и преобладают до сих пор такие установки традиционного общества, как:

- патернализм;
- коллективизм;
- иерархичность;
- отношение к государству и обществу как к семье;
- превосходство морали над правом, этического мышления над рациональным и т. д.

При этом Россия впитывала многие европейские черты — как ценностные, так и технологические, но *адаптировала* их к своему собственному укладу и заставляла служить своим *интересам* и своим *ценностям*. Россия активно черпала у Запада различные элементы, но этим Западом упорно *не становилась*. Отсюда — крайнее раздражение людей Запада (и особенно русских западников) в отношении России, которая представляется им зловещей и агрессивной «карикатурой на Европу», имитирующей ее внешние формы, но вкладывающей в них свое исконно русское содержание.

Россия отличается не просто от той или иной европейской страны так же, как они различаются между собой. При пересечении российских границ меняется сам *культурный дух*, мы переходим из одного культурно-исторического типа к другому. Россия отлична именно от Европы, от всего Запада целиком.

Если настаивать на том, что все же, несмотря ни на что, Россия — это часть Запада и европейская страна, то из этого можно сделать два вывода. Либо Россию надо *фундаментально реформировать в западном ключе* (чего пока никому не удавалось довести до конца), либо Россия представляет собой какой-то *иной Запад*, «другую Европу».

Первый случай наиболее частый. Но то упорство, с которым русский народ и русское общество *отказываются от глубинной вестернизации* (лишь имитируя ее внешне), саботируют принятие европейских ценностей (подделывая их под особый национальный лад), отыскивают в самом западном обществе экстравагантные сценарии, позволяющие ускользнуть или размыть строгий императив чисто западных ценностей и установок (что очевидно и в царский, и, особенно, в советский периоды), заставляет полагать, что превращение русских в европейцев — дело совершенно *безнадежное*. И Россия так и останется лишь «недо-Западом», «Западом второго сорта» — не в силах *впитать по-настоящему сущность западной идентичности*.

Второй случай, когда речь идет о том, что Россия — это Запад, но другой, не менее сложен. Во-первых, даже если сами русские считают себя «Западом», но только особым — например, православным, пост-византийским, славянским и т. д. — европейцы никогда не признавали и не признают этого, считая такую претензию «высокомерной и бездоказательной амбициозностью». Попытки настаивать на этом только усилят напряженность и вызовут ответную реакцию. Если и Россия — это Запад, причем настаивающий на том, что его надо принимать и признавать таким, как он есть, то само понятие «Запад», острота его исторического, геополитического, технологического и культурного вектора размываются, рассеиваются и рушатся. *Если Россия часть Запада, то Запад — больше не Запад, а не пойми что*.

И, наконец, обе позиции, настаивающие на том, что Россия — европейская страна, усугубляют свою противоречивость твердым осознанием того, что у России есть свои *собственные интересы*, которые всегда или почти всегда входят в противоречие с интересами стран Запада. Независимость и свобода страны всегда была для русских наивысшей ценностью, и это явное и устойчивое *расхождение интересов* заставляло ставить под сомнение *общность ценностей и прина-*

длежность к единой цивилизации. Это не главный аргумент, т. к. и между европейских держав были глубокие противоречия, но в сочетании с двумя вышеприведенными соображениями это создавало *благоприятный фон для закономерных сомнений* в гипотезе о принадлежности России к Западу.

Лишь позиция крайних западников более или менее состоятельна — правда, с чисто теоретической, абстрактной точки зрения. Они утверждают, что Россия — это «полное уродство», которое должно быть насильственно превращено в часть Запада путем искоренения всякой самобытности, отказа от собственных интересов, введением внешнего управления и сменой этно-социального состава населения. Чтобы Россия могла стать полноценной европейской страной, ее надо предварительно уничтожить до основания. Но даже радикальный эксперимент большевиков не справился с этой задачей, и Россия со всеми своими особенностями возродилась из пепла. Тем более не удалось это либерал-реформаторам и олигархам 1990-х.

И, тем не менее, убежденность в том, что Россия — европейская страна, до сих пор свойственна правящему классу России. И неслучайно именно правящий класс всегда был источником модернизации и вестернизации русского общества. Пушкин справедливо замечал, что «в России правительство — единственный европеец».

Россия как цивилизация (культурно-исторический тип)

Другой взгляд на Россию определяет ее как *самостоятельную цивилизацию*. Эта позиция была свойственна поздним славянофилам (Леонтьев, Данилевский), русским евразийцам, младороссам, национал-большевику (Устрялов, сменовеховцы). В этом случае Россия предстает как явление, которое следует сравнивать не с какой-то европейской страной, но с *Европой в целом*, с исламским миром, с индусской или китайской цивилизацией. Данилевский называл это «культурно-историческим типом». Можно говорить о «сла-

вяно-православной» или русской цивилизации. Еще точнее выражение *Россия — Евразия*, которое ввели в оборот первые евразийцы (Н. Трубецкой, П. Савицкий, Г. Вернадский, Н. Алексеев, П. Сувчинский, В. Ильин и др.). Такое написание подчеркивает, что речь идет не о стране, не о простом государственном образовании, но о *цивилизационном единстве*, о государстве-мире.

Наличие европейских, равно как и азиатских, черт в России как цивилизации не должно приводить к поспешному выводу, будто речь идет о *механическом сложении* заимствований с Запада и Востока. Термин «Евразия» указывает на то, что речь идет о чем-то *третьем*, о цивилизации особого типа, сопоставимой и по *масштабу*, и по *оригинальности*, но отличной по *ценностному* содержанию от цивилизаций как Востока, так и Запада.

Если принять утверждение о том, что Россия есть цивилизация, все становится на свои места — и в эпоху Московского царства, и в Санкт-Петербургский период, и в советское время. Отношения Россия — Запад приобретают законченную логику, и все нелепости и парадоксы, присущие гипотезе «Россия как европейская страна», разрешаются сами собой.

Россия — Евразия (= особая цивилизация) обладала и своими самобытными *ценностями*, и своими *интересами*. Ценности относились к *традиционному обществу*, с акцентом на *православную веру* и специфическое русское *мессианство*.

На политические и социальные устои существенное влияние оказала *имперская идея Чингисхана* и централизованное устройство монгольской орды. Естественное развитие этого комплекса не требовало модернизации и не несло в себе предпосылки появления тех идей, принципов и тенденций, положенных в основу Нового времени в Европе. Но наличие на Западе активной и агрессивной колонизаторской силы, навязчиво пытающейся продвинуть на Восток не только свои *интересы*, но и свои *ценности*, заставляло Россию периодически вставать на путь *частичной и оборонительной*

модернизации (и вестернизации). Эта модернизация была экзогенной, но не колониальной. Ее частичный, гибридный характер и ответственен за ту карикатурность России, которой возмущались русские западники, начиная с Чаадаева, но которую, со своей стороны, порицали и русские славянофилы (Хомяков, Кириеевский, братья Аксаковы и др.).

В этом случае русская история предстает нам как циклическая пульсация особой цивилизации, в спокойных условиях возвращающейся к своим самобытным корням, но в критические периоды вступающей в насильственную модернизацию (сверху). И петровские реформы, и «европеизм» романовской элиты, и советский эксперимент обретают в такой картине *осмысленность и закономерность*. Россия — Евразия жестко отстаивала свои собственные интересы и ценности, иногда вынужденно прибегая к вестернизации-модернизации для эффективного противостояния Западу.

Россия — не часть Запада и не часть Востока. Это цивилизация сама по себе. И сохранение этой свободы, независимости и самобытности перед лицом других цивилизаций — как с Запада, так и с Востока — составляет вектор русской истории.

Россия и Запад в 90-е годы XX века

В эпоху СССР (и особенно — «холодной войны») цивилизационная миссия России получила идеологическое выражение в форме *советской цивилизации*. В ней мы встречаемся с классическим сочетанием *противостояния Западу* (в данном случае, в его либерально-капиталистической буржуазной ипостаси) и *заимствования определенных западных идей и технологий* (марксизм). Это был период типичной *альтер-модернизации*, экзогенной модернизации с сохранением геополитической независимости.

К концу советского периода ясное понимание основных мировых процессов политическим руководством СССР было утрачено — во многом из-за неадекватности осознания мар-

ксистами *истинной* роли и природы самого марксизма, а также *подлинных* причин победы социалистической революции в отсталой аграрной стране (вопреки Марксу). Советские доктринеры игнорировали *национал-большевистский* (евразийский) характер СССР, и это дезориентировало их в понимании глубинных отношений России с Западом. Так, в разлагающемся позднесоветском обществе возникла (самоубийственная) идея *снова обратиться для дальнейшей модернизации, которая стала пробуксовывать, напрямую к Западу*.

Вначале разговор шел о возможной *конвергенции* двух систем с сохранением обоюдных интересов и разных укладов. Но эта фаза быстро перешла к практике обменивать геополитические позиции СССР и его союзников на экономические и технологические инструменты развития. Встав на этот путь, СССР стремительно рухнул, и либерал-реформаторы 1990-х гг. сломя голову бросились на Запад, признав примат западных интересов и ценностей уже безо всяких условий.

1990-е гг. были движением России в сторону Запада, отчаянной попыткой интегрироваться в него на *любых* основаниях. Отсюда появилась устойчивая тенденция покаяния за советское и царистское прошлое, безудержное копирование либерально-демократической модели в политике и рыночной системы в ее неолиберальном издании, отказ от глобальных и региональных интересов, следование в фарватере американской политики.

Однако вопреки расчетам и надеждам реформаторов-западников, этот курс, связанный с именем Ельцина и его окружения, *никаких положительных результатов не дал*.

Запад не спешил модернизировать Россию по двум причинам:

- опасаясь, что *Россия снова может вернуться на путь конфронтации*, усилиться и восстановить свое могущество (Запад прекрасно понимал, что Россия — ника-

кая не европейская страна, а самостоятельная цивилизация, и всегда к ней так и относился);

- пребывая в *состоянии перехода к постмодерну*, сам Запад утратил идеологическую заинтересованность в модернизации остальных цивилизационных пространств, погрузившись в осмысление новых вызовов.

Запад приветствовал резкое ослабление России, но в искренность и фундаментальность ее нового западнического курса не верил, да это было для него и безразлично.

Поэтому отношения России с Западом в 1990-е гг. были полностью *провальными*. Россия, под властью реформаторов-западников, размывала свою идентичность, утрачивала позиции в мире, теряла друзей, жертвовала интересами, слепо копируя Запад без какого бы то ни было понимания реальной подоплеки западной ценностной системы и даже не подозревая об истинном характере постиндустриального общества или культуры постмодерна.

Запад же, со своей стороны, делал все возможное, чтобы ослабить Россию еще больше, не только не радуясь новому курсу, но всячески его критикуя и высмеивая его карикатурный характер и криминально-коррупционную подкладку. В такой ситуации Россия не только не вступила в виток новой модернизации, но, разрушив старые институты и социально-экономические инструменты, просто заимствовала отдельные разрозненные фрагменты постмодерна, привитые на скорую руку элитам, олигархам и некоторым сегментам молодежной субкультуры.

В середине 1990-х гг. сложилось впечатление, что Россия заходит на новый виток распада, и ее территориальная целостность под угрозой (чеченская кампания). *Размывание идентичности, отсутствие национальной идеи и провалы модернизации* поставили Россию на грань катастрофы. И Запад в такой ситуации не просто не помогал, но активно способствовал развитию разрушительных тенденций и сценариев.

НАТО планомерно двигалось на Восток, заполняя появившиеся пустоты. Сети агентуры влияния в России продолжали облучать население в духе либерализма и «общечеловеческих» (читай — западных) ценностей. Все те, кто пытался поднять вопрос о наличии у России собственных национальных интересов, клеймились как «националисты» или «красно-коричневые».

Сегодня можно с уверенностью сказать, что отношения России с Западом в эпоху 1990-е были *катастрофическими* для России, основанными на:

- грубейших заблуждениях;
- категорически неверных расчетах;
- полном непонимании реального положения вещей и, в конце концов;
- прямом предательстве национальных интересов.
- Россия на глазах превращалась *в колонию*, с экзогенным фрагментарным внедрением постмодерна и постепенной утратой суверенитета. Вице-спикер Госдумы от «Союза правых сил» Ирина Хакамада всерьез предлагала согласиться на международное распределение труда в «мировом правительстве» на условиях «превращения России в хранилище ядерных отходов для более развитых стран».

Стратегия «мирового правительства» в отношении СССР и России

Показательно, что начиная с 1980-х гг. интеллектуальный штаб Запада — американский «Совет по внешним отношениям» (CFR) и его расширенная версия в лице «Трехсторонней комиссии» (Trilateral) — стремятся активно вовлечь советское руководство в диалог, чтобы *смягчить цивилизационное противостояние между «Востоком» и «Западом»*, обещаниями «модернизации» и «конвергенции» включить часть позднесоветской элиты в свое концептуальное поле на основании определенной ценностной близости советской и

капиталистической идеологий, вытекающих из Просвещения. Эти организации выполняют функции лабораторного наброска «мирового правительства», которое планируется установить тогда, когда Запад станет глобальным и наступит «конец истории». Важно, что основная *понятийная игра* CFR с политическим руководством СССР ведется как раз *вокруг многозначности содержания понятий «Запад» и «модерн»* (Просвещение).

Часть советского руководства идет на это, и в СССР на базе Института системных исследований (Дж. Гвишиани) — филиала «Международного института прикладного системного анализа» в Вене — формируется специальная группа ученых, призванных вступить с интеллектуальными центрами Запада в активный диалог. Фактически, Москва дает согласие на делегирование своих представителей — вначале в лице ученых-системщиков и молодых экономистов — в «мировое правительство». Показательно, что это направление курируется высшими чинами в ЦК КПСС — А. Яковлевым, Э. Шеварднадзе, Е. Примаковым. Еще более впечатляет состав «молодых экономистов» — Е. Гайдар, А. Чубайс, Г. Явлинский, П. Авен. В Институте системных исследований начинает свою карьеру и Б. Березовский. Члены питерского кружка Чубайса — Г. Глазков, С. Васильев, М. Дмитриев, С. Игнатьев, Б. Львин, А. Илларионов, М. Маневич, А. Миллер, Д. Васильев, А. Кох, И. Южанов, А. Кудрин, О. Дмитриева и московского кружка Гайдара — Кагаловский, Улюкаев, Нечаев, Машиц — составляли второй эшелон. Большинство участников этой CFR-сети заняли в будущем ведущие посты в российском правительстве.

Последствия деятельности CFR в СССР известны. Горбачев дает добро ориентации на «конвергенцию» и начинается перестройка. В 1989 г. он принимает в Кремле комиссию высокопоставленных представителей CFR во главе с Дэвидом Рокфеллером, Г. Киссинджером и др., социалистический лагерь рушится, а в 1991 г. падает и СССР.

Структуры CFR в России полностью легализуются в 1991 г. в форме «Совета по внешней и оборонной политике» (С. Караганов — он официально числится в Наблюдательном совете CFR и посещает заседания Трехсторонней комиссии), а «молодые экономисты» формируют костяк правительства Ельцина и образуют его идеологическое ядро.

В деятельности сетей CFR и его российского филиала легко проследить, как концептуальные модели, оперирующие с такими категориями, как «ценности», «конвергенция», «Запад», «Просвещение», могут *активно повлиять на фундаментальные процессы в мировой политике* и привести к ликвидации цивилизационного конкурента.

Россия и Запад в эпоху Путина

Приход к власти Владимира Путина *существенно скорректировал* этот курс 1990-х гг. Самой важной была жесткая установка нового президента *на отстаивание национальных интересов*. Так как наибольшая угроза этим интересам исходила *именно со стороны Запада* — в первую очередь, со стороны США и стран НАТО, — то это незамедлительно сказалось на росте международной напряженности.

Путин взял курс на укрепление суверенитета и демонтаж структур внешнего управления — через либеральных политиков, олигархов, коррумпированное чиновничество и прозападную столичную интеллигенцию.

С этого момента *непреложной истиной стало наличие у России собственных интересов*, сплошь и рядом не совпадающих с американскими или европейскими. Но при этом Путин — особенно в первый президентский срок — неоднократно заявлял, что «считает Россию европейской страной», «разделяет западные ценности» и «всегда склонен к взаимодействию с Западом», особенно когда «наши интересы имеют общие точки соприкосновения». Иными словами, Путин изменил ельцинскую модель отношений Россия — Запад *на 90 градусов*. Наличие собственных интересов разительно

отличалось от полной покорности либерал-реформаторов в отношении воли США, но идея интеграции России в Запад, ее модернизации по западному сценарию оставалась *той же*.

Вместе с тем, Путин начинает все больше внимание уделять геополитике. Он явственно различает в структуре *Запада два полюса* — США и континентальную Европу. Он стремится *сблизиться с Европой в ущерб США*. США параллельно этому усиливают через евро-атлантизм антироссийские настроения в Евросоюзе, активно используют страны Новой Европы для создания *«санитарного кордона»*, отделяющего Россию от Европы континентальной. Позже США переходят к тактике окружения России на постсоветском пространстве через организацию «цветных революций» (Грузия, Украина и т. д.). Геополитическая модель внешней политики Путина адекватно оценивает международные реалии, дифференцирует политику в европейском и американском направлении.

Все это работает на уровне интересов, что особенно наглядно проявляется в российско-европейском *энергетическом партнерстве*: Старая Европа, жизненно заинтересованная в российских газе и нефти, стремится к прагматическому партнерству с Россией; США всячески этому препятствуют. Но в целом, историческое осознание российских интересов у политического руководства входит в фокус — впервые после тяжелых периодов позднесоветского или либерал-реформаторского бреда и откровенного предательства.

Вызов Западу

Во второй президентский срок Путин подходит к пересмотру и другой составляющей отношений России с Западом — *к вопросу о ценностях*. Повторяя заверения «в верности западным ценностям», Путин начинает упоминать о различиях в понимании демократии, о национальных особенностях политического устройства, о русских традициях. К тому же следует отнести и робкую теорию «суверенной демократии».

На геополитическом уровне, в своей знаменитой Мюнхенской речи он подвергает резкой критике международную политику США и проект создания однополярного мира. По сути, он бросает *вызов Западу* — в том виде, в котором тот предстает в настоящее время. И здесь мы подходим к пределу возможных толкований путинской позиции. Постепенно удаляясь от безоговорочного западничества ельцинской эпохи, Путин до последнего времени оставался в рамках модели — «Россия = европейская страна». На первом этапе это означало «Россия = великая и суверенная европейская страна со своими собственными интересами». Позднее смысл позиции стал еще более жестким: «Россия = великая и суверенная европейская страна со своими собственными интересами и определенным ценностным своеобразием, жестко противостоящая американской однополярности». Здесь мы подходим к концептуальному противоречию: «Россия = великая и суверенная европейская страна со своими собственными интересами и определенным ценностным своеобразием, жестко противостоящая американской однополярности», это уже никак не *европейская страна*, т. к. она ставит под сомнение *универсализм западных ценностей* (претендуя на их самобытную национальную трактовку) и выступает *против цивилизационной модели однополярного мира с западнцентричной архитектурой*. Не только не европейская, но и не страна, т. к. иметь собственные ценности страна, принадлежащая к общей цивилизации с другими странами, просто не может — в этом случае речь идет о *цивилизации*.

Показательно, что по опросам ВЦИОМ, проводимым регулярно, от 71 до 73% россиян в последние 10 лет на вопрос «Является ли, на ваш взгляд, Россия частью Европы или самостоятельной — православной или евразийской — цивилизацией?» — устойчиво отвечают: «Россия — цивилизация». Определенный консенсус масс (народа) в этом вопросе достигнут. Но в политической и высшей экономической элите соотношение явно будет другим.

Позиция Путина в отношении Запада — как и в ряде других важнейших политических вопросах — пытается *примирить между собой элиты и массы*. Массам он транслирует намек на самобытность России, элитам — заверения в верности курса на Запад и модернизацию. Невозможно однозначно сказать, идет ли в этом случае речь о сознательной тактике сокрытия Путиным реальной позиции или о колебаниях между этими двумя идентичностями — «Россия как страна» и «Россия как цивилизация». Если проследить от чего и к чему движется Путин в своих оценках Запада, то можно предположить, что он либо постепенно обнаруживает свой завуалированный до времени *русский цивилизационный патриотизм*, либо действительно *эволюционирует* в этом направлении под воздействием обстоятельств и наблюдений за разворачиванием событий в международной сфере.

Курс новоизбранного президента Медведева в целом повторяет основные силовые линии и декларации Путина. Отношение Медведева к Западу очень близко к отношению к Западу Путина: Медведев также заявляет, что «Россия — европейская страна», но при этом, так же как и Путин, настаивает на национальных интересах (и частично — ценностях) и резко критикует США и однополярный мир.

Сети CFR в путинский период

Несмотря на существенную коррекцию отношения к Западу в эпоху Путина, весьма показательным является тот факт, что основные сети влияния, заложенные еще в 1980-е гг. Западом, остаются в России *нетронутыми* и в этот период. Караганов и другие деятели СВОПа продолжают быть влиятельными фигурами. Под эгидой Караганова в 2003 г. начинает выходить журнал «Россия в глобальной политике» (гл. ред. Ф. Лукьянов), являющийся филиалом американского «Foreign Affairs» (официального органа CFR). В редакционный совет журнала входят — А.А. Авдеев (министр культуры РФ), А.Г. Арбатов, А.Д. Жуков (первый зам. Пред-

седателя Правительства РФ), А.А. Кокошин (депутат Госдумы от «Единой России»), М.В. Комиссар (генеральный директор ЗАО «Интерфакс»), В.В. Копьев (зам. председателя Совета директоров АФК «Система»), С.В. Лавров (министр иностранных дел РФ), В.П. Лукин (уполномоченный РФ по правам человека). В.А. Мау (ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ), В.А. Никонов (президент Фонда «Русский мир»), В.В. Познер (президент Российской телевизионной академии), Е.М. Примаков (президент Торгово-промышленной палаты), С.Э. Приходько (помощник Президента РФ), В.А. Рыжков (активист оппозиционного движения «Другая Россия»), А.В. Торкунов (ректор Московского государственного института международных отношений (У) МИДа РФ), И.М. Хакамада (деятель радикально либеральной оппозиции), И.Ю. Юргенс (директор Института развития), С.В. Ястржембский. Попечительский совет возглавляет олигарх Потанин.

Официально интересы CFR в России представляет «Альфа-группа» — П. Авен и М. Фридман. Усилиями этой структуры штаб-квартиру CFR в Нью-Йорке в свое время посещали министр обороны РФ С.Б. Иванов, а осенью 2008 г. — министр иностранных дел РФ Лавров и даже Президент РФ Д. Медведев (во время встречи «Большой двадцатки»). Экономические структуры Авена — Фридмана (в частности ТНК — ВР) глубоко интегрированы в американскую экономику в том ее сегменте, который контролирует группа Рокфеллеров — Морганов, а Дэвид Рокфеллер много десятилетий является главным идеологом и спонсором CFR (сам CFR был создан его предками, банкирами дома Рокфеллеров, сразу после окончания Первой мировой войны и откровенно ставил своей целью создание «мирового правительства»).

Эти примеры показывают, что эволюция взглядов Путина — Медведева на отношения России с Западом *не переходит определенной критической черты*, за которой наличие сетей влияния «Запада» в России — и, в первую очередь, в

ее высшем руководстве (а список редакционного совета глобалистского издания CFR в России — «Россия в глобальной политике» — впечатляет) — стало бы недопустимым нонсенсом. Это напрямую связано с колебаниями в отношении того, чтобы высшее политическое руководство России признало Россию *самостоятельной цивилизацией* и окончательно заняло трезвую и критическую позицию в отношении Запада. Пока Президент и Премьер России продолжают утверждать, что «Россия — европейская страна» (как бы они не толковали этот тезис), западнические структуры влияния будут оказывать на российскую внешнюю и внутреннюю политику большое (если не решающее) влияние.

Официальным органом, институализирующим это влияние, являются, кроме собственно структур CFR, такие институты, как «Институт развития» (РСПП), «Форум Стратегия 2020», Высшая школа экономики, группы либералов в Администрации Президента и т. д.

Отношения Россия — Запад в будущем

Наконец, мы подошли к заключительной части — к прогнозам, пожеланиям и рекомендациям относительно развития отношений Россия — Запад в будущем. Предыдущий анализ ставил своей целью продемонстрировать, насколько сложной является эта проблема, сколько здесь существует смысловых сдвигов, нюансов, наложений различных ценностных и геополитических схем. Меняется понятие «Запад» и его очертания. Нет ясности в определении российской идентичности — а в этом случае, как мы видели, даже оттенки определений и дополнения к основной формуле могут оказаться *решающими* и поменять плюс на минус, победу на поражение, или наоборот.

Россия стоит перед исторической дилеммой, и суть этой дилеммы заключается *к выработке на новом этапе и в новых условиях ее отношения к Западу*. Ситуация усугубляется глубочайшим экономическим и, вероятно, идеологическим

кризисом, который переживают сегодня не только США, но и весь мир, оказавшийся достаточно *глобальным*: сбой в функционировании ядерного Запада почти обрушил экономику всех остальных стран или, по меньшей мере, нанес ей гигантский и необратимый ущерб. Запад стал глобальным настолько, что неурядицы в его центре мгновенно влияют на всю периферию.

Чтобы выстраивать прогнозы и стратегии на будущее развитие отношений России с Западом, необходимо, в первую очередь, *определиться с понятиями*.

Перестройка-2: Россия интегрируется в глобальный Запад

Самой теоретически непротиворечивой в такой ситуации была бы позиция наиболее радикальных западников: Запад стал глобальным и это надо принять, интегрируясь в его структуру на любых условиях (и чем раньше — тем лучше); а если для этого надо отказаться от суверенитета, то на это надо идти, т. к. рано или поздно глобализация передаст управление в руки наднационального «мирового правительства», и стоит стремиться получить в нем несколько портфелей, не вступая в обреченную конфронтацию. А если сейчас либеральная экономика переживает кризис, то это всего лишь «технические детали саморегуляции рынков»; рынок найдет способ выбраться из кризиса, а т. к. никакой внятной альтернативы западному либерализму сегодня никто не предлагает (все прежние альтернативы рухнули), то России просто не остается ничего другого, как делить с Западом его трудности. Приблизительно так рассуждал М. Ходорковский; на таких же позициях стоят члены оппозиционной «Другой России». Но самое главное, в смягченной форме схожей позиции придерживаются и более умеренные западники, принадлежащие к сетям CFR и занимающие ключевые посты в российской экономике и, отчасти, политической сфере. И хотя эти идеи сегодня мало кто высказывает открыто, именно эта стратегическая линия свойственна экономическому блоку Правитель-

ства (Кудрин, Набиуллина, Дворкович, Шувалов), архитекторам международной политики России из МИДа, МГИМО, Администрации Президента, российским олигархам (в лице РСПП или Института развития И. Юргенса) и другим влиятельным сегментам российской элиты. В целом, эта элита остается западной, впитывает западные ценности, хранит капиталы за границей и там же селит свои семьи, проводит свободное время и обучает детей. И хотя отношение к фигурам Путина и Медведева резко делит российских западников на две части (одни — за, другие — категорически против), и те и другие исходят из принципа неизбежности глобализации и создания «мирового правительства»¹³.

Надо сказать, что такая позиция обладает одним существенным «достоинством»: она позволяет жить и работать в *инерциальном* ключе без больших напряжений и усилий. Тенденции глобализации и построения однополярного мира развиваются ядерным Западом с использованием как инерциального раскручивания маховика мировой истории, так и напряженной работы по отстаиванию своих интересов. Ценности и интересы Запада в основных чертах совпадают, движение к «концу истории» необратимо, споры идут только о его скорости, этапах и деталях. Как бы ни ужасал постмодерн даже его адептов, он вписан в логику социальных, культурных, технологических и геополитических процессов, и отложить и, тем более, отменить его волевым декретом никому не удастся. Поэтому российские западники предлагают «расслабиться и получать удовольствие», даже если речь

---

¹³ Эту близость позиций западников за Путина и западников против Путина легко обнаружить через такие примеры, как эволюция взглядов бывшего путинского премьера Касьянова или советника Илларионова, легко переходящего в самую радикальную оппозицию, или внимательно изучая список редакционного совета проамериканского издания «Россия в глобальной политике», где радикальные оппозиционеры (Рыжков, Хакамада) мирно соседствуют с министрами и высокопоставленными сотрудниками Администрации Президента РФ.

идет о чем-то *неприятном*, а то и *убийственном* для страны, для *амбиций* народа и исторической *миссии* России.

Наличие самой *миссии* они оспаривают или осмеивают, *амбиции* советуют сократить, а *неприятности* можно сгладить постоянно растущей индустрией развлечений, «тоталитарной» пропагандой гламура и шоу-бизнеса. Если же в результате глобализации Россия исчезнет, то, утешают либералы, «туда ей и droga», важно лишь сделать это исчезновение по возможности незаметным и «комфортным». Россия исчезнет, а люди-то — если, конечно, сумеют — получат шанс вписаться в глобальный Запад, останутся и даже, возможно, смогут воспользоваться новыми открывающимися возможностями — свободой передвижения, коммуникаций, доступа к знаниям, поиска работы и равенством стартовых условий. И, надо признать, что если рассматривать Россию «как европейскую страну», либералы правы. Ведь другие европейские страны постепенно отказываются от своего суверенитета, передают — пусть со скрипом — власть наднациональным органам (брюссельской бюрократии), уравнивают в правах коренное население и мигрантов из Африки и Азии, стирают границы, переходят на английский язык, забывают о национальных, культурных и религиозных корнях. Если «Россия — европейская страна», то, *как и остальным европейским странам*, ей надо готовиться к тому, чтобы быть стертой с лица земли, уступая *место новым глобалистским образованиям*. Ведь для самой Европы интеграция — это только временный этап. Если следовать за процессом глобализации, на следующем ее витке весь мир станет «*единым государством*» (World State), и все народы и страны передадут власть «мировому правительству» (зародышем которого уже сегодня является CFR или Trilateral).

Эта тенденция проектирования отношений России с Западом не является столь нелепой и маргинальной, как это может показаться на первый взгляд после того подъема патриотического чувства, который нарастал в течение всего

правления Путина и на первых порах президентства Медведева (особенно после августа 2008 г. и российско-грузинского конфликта). Интеграция в глобальный Запад (= «мировую цивилизацию») — это *самое простое решение*, не требующее никаких усилий. Процессы глобализации идут сами собой, и даже те, кто не согласен с их ценностным идеологическим содержанием (например, Китай, в меньшей степени — Индия), пытаются лишь *скорректировать* эти процессы в свою пользу, слегка ограничить или притормозить их, придать им определенный местный колорит, оспорив нюансы; но *никто* — кроме радикальных исламских кругов и молодежного анархистского движения антиглобалистов — не выступает последовательно и основательно против. Участвовать в глобализации в такой перспективе видится *не как волевой выбор, но как нечто само собой разумеющееся*, что как раз и не требует никакого выбора, поскольку выбор сделан за нас — логикой истории Нового времени и закономерным наступлением постмодерна и «конца истории».

Таким образом, нельзя сбрасывать такое западническое решение со счетов. Куда более идеологизированный, радикально антизападный, тоталитарный и управляемый, чем нынешний, советский режим рухнул перед этой неумолимой логикой Запада, сдал позиции перед убедительными аргументами сети влияния, которую сам же и создал. Желая поучаствовать в чужой модернизации ценой минимальных усилий, СССР заплатил за это собственной гибелью. Но этот шок быстро забылся, и перед лицом нарастающих проблем аналогичный ход вещей — перестройка, либеральные реформы, сближение с США, вступление в НАТО, отказ от гигантских территорий и отягчающих этно-социальных регионов — *вполне может повториться* — особенно в условиях нарастающих проблем. Либеральная оппозиция говорит об этом открыто. Но *втайне того же мнения придерживается и значительный процент современной российской политической элиты*. Поэтому такой сценарий развития событий — ус-

ловно говоря, «перестройка-2» — при всей его малой вероятности в условиях эскалации современного российского патриотизма, ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов.

Россия и Запад в евразийской теории

Прямо противоположной посылкой, на которой можно основывать прогноз развития отношений России с Западом, является тезис о том, что «Россия есть самостоятельная цивилизация», Россия — Евразия, «государство-мир». В этом случае, понимание Запада (равно как и модерна и (!) модернизации во всех ее видах) — практически во всех значениях этого слова — от исторического до ценностного и идеологического, берется как зло, как негативная концепция, как гегелевский антитезис, как нечто, что следует отвергнуть, победить, преодолеть, изжить, окоротить и в далекой перспективе — уничтожить. Такой точки зрения придерживались русские цари Московского периода (видя в Европе «царство еретиков» — «папешников и люторов»), славянофилы (особенно поздние), русские народники, евразийцы и коммунисты (в соответствии со своей особой классовой идеологией).

Отталкиваясь от этой славянофильской (евразийской) перспективы, отношения России с Западом должны строиться в совершенно ином ключе. Эту позицию можно назвать жестко антизападной. Российская (православно-славянская, евразийская) цивилизация должна дать последний и решительный бой.

Такая установка ведет к полному отрицанию того пути развития, по которому шел Запад и те, кто оказывался в зоне его влияния — добровольно или насильственно (через колонизацию).

В этом случае первым (и главным) пунктом стратегии становится отрицание универсальности исторического опыта европейской цивилизации, приравнивание ее к частному случаю с опровержением всех ее претензий на магистральный путь развития человечества. Это означает — ни больше,

ни меньше — как вызов всей структуре эпохи модерна, *отвержение Просвещения*, приравнение духа Нового времени к *локальному* — географически и исторически — явлению. Если Россия есть самостоятельная цивилизация, то ее логика, ее этапы, ее динамика, ее цели, ценности и ее ориентации могут быть совершенно *иными*, нежели пути развития и становления Запада. Какими бы путями и по какой бы логике Запад ни шел к концу истории, к постмодерну и постиндустриальному обществу, Россия — Евразия вполне может сказать всему этому решительное «нет!», отвергнуть это на основе своих *собственных ценностей*, приоритетов, ориентиров, выборов и, в конце концов, *интересов*.

Данная позиция требует *метафизического переосмысления русской идентичности*, незамедлительной разработки русской национальной идеи на новом витке развития, чтобы подвести под тотальное отторжение Запада *надежное философское, мировоззренческое основание*.

Встав на этот путь и не дожидаясь, пока эта огромная работа духа будет проделана, вполне можно набросать основные принципы, отталкиваясь от которых Россия — Евразия, Россия (=цивилизация) будет выстраивать отношения с Западом.

Первым и главным пунктом в этих отношениях будет *отвержение тенденции «глобального Запада»*. Запад есть явление локальное и региональное, и все попытки представить себя как универсальный стандарт развития есть ничто иное как колониальная *расистская* претензия на не что иное, как власть над человечеством. *Универсализму Запада объявляется война*.

Из этого следует следующий важнейший вывод: модернизация, которую проделал Запад и которую он несет всем остальным, есть *не судьба*, но волевым образом избираемая *возможность*, которую можно принять, но которую можно и отвергнуть. Модернизация превращается в таком случае не столько в *объект вождения*, сколько в сомнительную аван-

тью, в ходе которой общество жертвует религией, этикой, традиционными устоями, но приобретает *технический комфорт*, возведенный в высшую ценность и главенствующий критерий. Модерн — с его материализмом, атеизмом и утилитаризмом — обнаруживается как *соблазн*, притягательный, но убивающий дух и самобытность культур и народов. Поэтому *модерн лишается своей исторической ценности*, а традиционное общество — включая религию, культ, обряды, обычаи и т. д. — осмысляется не как нечто изжившее себя, не как инерция и предрассудки, а как *свободный выбор свободного общества*.

Запад связал свою судьбу с модерном и модернизацией. Если Россия есть самостоятельная цивилизация, отличная от Запада, она вполне может (и должна) *поступить иначе*, сделав выбор в пользу *традиционного общества*. Отсюда следует важнейший вывод: *модерн и модернизация не являются абсолютными ценностями и безусловным императивом развития*. Россия может развиваться и жить в соответствии со своей внутренней логикой — диктуемой ее религией, ее исторической миссией, ее самобытной и своеобразной культурой.

У России, понятой как цивилизация, не просто могут, но должны быть *свои ценности*, отличающиеся от других цивилизаций. Поэтому она имеет полное право создавать свои собственные политические, социальные, правовые, экономические, культурные и технологические модели, не обращая внимание на реакцию Запада (как, впрочем, и Востока).

В конкретной политике эти принципы выливаются в модель *многополярного мира*. Причем, полюсами этого многополярного мира становятся *не сегменты глобального Запада*, которые лишь берут паузу, чтобы более эффективно подстроить свои общества под универсальный стандарт, но *отдельные цивилизации*, претендующие на собственное понимание истории, на свое особое историческое время (циклическое или линейное), на свою онтологию, антропологию,

социологию, политологию, на свой собственный мир, который может не нравиться остальным, но это ни на что не влияет.

Так рождается *фундаментальная философия многополярности*, отрицающая претензии Запада на универсальность его пути и предлагающая народам мира самим искать не только средства развития, но и определять его цели и его направление.

Если Россия станет на этот путь и признает себя цивилизацией (как признает это фактически подавляющее большинство населения), это будет означать крестовый поход против Запада, отрицание его универсальной миссии, а значит, и отвержение модерна и постмодерна, как его последнего выражения.

Такая позиция не так уж необычна, хотя на сегодняшний момент по этому пути следуют только такие страны, как Иран, Венесуэла, Сирия, Боливия, Никарагуа, Северная Корея, Белоруссия и, в осторожной манере, Китай.

Если допустить, что российское политическое руководство сделает этот последний шаг и провозгласит Россию цивилизацией, немедленно выстроится логичная цепочка практических действий.

1. Россия укрепит свои отношения с теми странами, которые *радикально бросают вызов* Западу, глобализации, модерну и постмодерну.
2. Россия начнет *раскалывать Запад*, укрепляя свои связи с континентальной Европой и стремясь вывести ее из-под контроля США.
3. Россия создаст *фильтр* по отношению к процессам глобализации — в области культуры, технологии, ценностей, — принимая в себя только то, что будет способствовать укреплению ее стратегической мощи, и безжалостно отбрасывая и ставя вне закона все то, что ослабляет, разъедает и релятивизирует ее цивилизационную идентичность.

Такой поворот приведет к эскалации отношений с США и всеми апологетами «глобального Запада», но при этом подтянет к России миллиарды союзников в тех странах, которые захотят сохранять верность своим ценностям и традициям вместо того, чтобы растворяться в «мировом государстве».

Окончательного исхода этой конфронтации не может предвидеть никто, т. к. исторические ставки слишком велики — это будет настоящей битвой за смысл «конца истории» или, при ином исходе, за то, чтобы она продолжалась далее. — Если многополярный мир будет построен, *история продолжится*. Если нет, то постмодерн воцарится окончательно, и она *закончится*, уступив место «пост-истории» (на сей раз — без всякого зазора).

Россия и Запад в оптике современной российской власти

Чтобы не предаваться пустым иллюзиям и не выдавать желаемое за действительное, надо констатировать, что сегодня российская власть *совершенно не готова сделать выбор ни в одном, ни в другом направлении*. Ни Путин, ни Медведев не собираются ни растворяться в Западе, ни признавать того, что Россия является самостоятельной цивилизацией и давать Западу последний бой. Ни власть, ни общество не готовы к столь резкой дилемме.

Если принять во внимание логику всего постсоветского периода, легко заметить, что от безудержного западничества маятник российской политики неуклонно смещается в сторону противоположную. Вся история президентства Путина, его гигантский рейтинг и поддержка его политики в народе свидетельствуют о том, что самосознание россиян тяготеет к признанию себя цивилизацией и к отторжению западничества. И любой намек власти, сделанный в эту сторону, немедленно с энтузиазмом подхватывается широкими массами. Но несмотря на это, существующий *невидимый барьер*, который сдерживает эволюцию власти в этом направлении. Может быть, речь идет об эффективности деятельности сетей аген-

туры влияния (в первую очередь, CFR). Может быть, в обществе еще недостаточно накоплено энергий, чтобы взойти на новый виток цивилизационной битвы, которую — в той или иной форме — русские вели на протяжении всей своей истории.

Как бы то ни было, позиция современной российской власти в отношении Запада (в его актуальном воплощении) остается *неопределенной*. Власть *отказалась от прямолинейного западничества*, но так и *не встала на альтернативную* (славянофильскую, евразийскую) *позицию*. Власть в отношении Запада *«зависла»*, как порой зависает компьютер. Ни туда, ни сюда.

Мы очертили общий сценарий развития отношений с Западом, если верх возьмет одна из двух фундаментальных позиций — интеграция в глобальный Запад или отстаивание ценностей и интересов России как цивилизации в многополярном мире.

На сегодняшний момент выбор не сделан. Он всячески оттягивается, откладывается. Создается такое впечатление, что российская власть (Медведев и Путин) *страдает от самой необходимости этого выбора*, что она сделала бы все возможное, чтобы столь жесткой альтернативы не существовало бы, чтобы ее можно было бы избежать каким-то средним, компромиссным вариантом — и Запад, и не-Запад.

Россия должна интегрироваться и модернизироваться, но при этом сохранять суверенность и самобытность. Отчаянной попыткой примирить непримиримое являются разнообразные концепции в стиле «суверенной демократии».

Такая неопределенность и двусмысленность удобны для тактического расширения поля возможностей. Но, вместе с тем, это не решение проблемы, но ее откладывание. Это может давать (и дает) положительный эффект для примирения западных элит и евразийских (национальных) масс. Но *рано или поздно выбор делать придется*. Российская власть убеждена: лучше поздно, как можно позднее.

Наверное, для такой позиции есть определенные основания, но «поздно» не значит «никогда». Наступит момент, когда на эту дилемму придется дать однозначный и внятный ответ: все-таки, Россия — это европейская страна или самостоятельная цивилизация?

Когда Медведев говорит о многополярности и критикует США — создается впечатление, что он сделал выбор в пользу цивилизации. Но тут же он появляется на публике в сопровождении агентов влияния CFR, олигархов и говорит о «демократии и модернизации», подчеркивая *решимость России стать частью глобального Запада*. Путин поступал точно так же: постоянно дезавуировал свои собственные идеологические инструкции, смешивая в одной и той же речи несовместимое и взаимоисключающее.

Это наблюдение показывает: отношения России с Западом при нынешней власти будут строиться в пространстве промежуточном — между двумя четкими и внятными позициями. Вместо однозначного «или-или», которое предопределило бы дальнейшую логику отношений Россия — Запад, мы на какое-то время обречены на недомолвки, колебания, фигуры умолчания. *Российская власть не созрела для ответа на эту фундаментальную проблему*. Наверное, до конца не созрело и само общество. Хотя настроение масс явно склоняется в одну сторону, а настроение элит — в другую. Нынешняя российская власть основана на компромиссе между этими двумя полюсами.

Пока этот компромисс действует, настоящего и полноценного решения мы не дождемся. А значит, отношения России с Западом будут развиваться противоречиво и двусмысленно: *и да, и нет*.

Однако мировой экономический кризис и логика глобализации, от которой Запад отступать не намерен, объективно ускорят (за нас) процесс принятия решения. Дальше какой-то критической точки «тянуть резину» не получится. Власть должна будет сделать выбор, который и предопределит логику

ку дальнейшего развития отношений с Западом. Каким будет это решение и когда оно произойдет — предугадать трудно, невозможно.

Но *между чем и чем* будет осуществляться этот выбор, мы постарались описать как можно более досконально и отстраненно.

Субъективная позиция автора

В данном исследовании задачей автора было как можно более корректно и точно описать модели отношений России с Западом. Автор старался воздерживаться от публицистических оценок и проявления личных предпочтений, чтобы описываемая картина была максимально объективной и взвешенной.

В заключение стоит отметить, что, с нашей точки зрения:

- Россия является самостоятельной цивилизацией;
- Запад и логика его становления — это *путь в бездну*;
- претензии на универсальность таких явлений, как технический прогресс, демократия, индивидуализм, либерализм скрывают под собой *расизм*, культурное превосходство и колониальные устремления;
- «толерантность», пропагандируемая Западом, есть форма *агрессивного навязывания своих ценностей* всем остальным культурам и цивилизациям;
- а *судьба России состоит в отстаивании ее самобытности*, следовании собственным путем, защите своих оригинальных ценностей (православие, нравственность, справедливость, соборность, холизм и т. д.), противостоянии Западу во всех его формах.(11) Robert Kagan. «Of Paradise and Power», Washington, 2003.